

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

А. Е. АНИКИН

РУССКИЙ
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ

Выпуск 1 (*а — аяюшка*)

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2007

ББК 81.2Рус-4
А 67

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 07-04-94594

Научно-техническое редактирование:
кандидат филологических наук *Е. И. Якушкина*

Рецензенты:

доктор филологических наук *Ж. Ж. Варбот*,
доктор филологических наук *С. А. Мызников*

Утверждено к печати

Ученым советом Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Аникин А. Е.

А 67 Русский этимологический словарь. Вып. 1 (*а — аяюшка*) /
Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, Ин-т филологии Си-
бирского отделения РАН. — М.: Рукописные памятники
Древней Руси, 2007. — 368 с.

ISBN 5-9551-0208-6

Словарь представляет собой свод этимологий русской лексики, охватывающий основной словарный фонд русского языка. На основе достижений современной филологической науки в нем рассматриваются происхождение и история словарного состава русского языка, в том числе значительный пласт личных имен и географических названий; а также в большом объеме представлена этимология диалектной, древнерусской и старорусской лексики.

Материал расположен в алфавитном порядке рассматриваемых слов. Для каждой лексемы указываются — при наличии необходимости и возможности — ее параллели в других славянских и неславянских языках, а также праславянский или иной этимон с изложением сведений, касающихся его истории и языковых изменений, результатом которых стала данная лексема.

1-й выпуск словаря содержит лексику на начальное А (около 1200 статей).

Словарь предназначен для читателей, интересующихся историей русского языка и его отношений с другими языками Евразии.

ББК 81.2Рус-4

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-9551-0208-6

© Аникин А. Е., 2007

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2007

© Рукописные памятники Древней Руси, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Принятые сокращения	25
Литература. Источники	25
Языки и диалекты	48
Лингвистические термины	55
Прочие сокращения	56
Условные обозначения (знаки)	57
Словарь	59
Указатель слов	359

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая публикация содержит первый выпуск «Русского этимологического словаря» — далее РЭС — а именно, лексику на *a*-начальное. Текст РЭС как таковой, т. е. словарные статьи, предваряется настоящим «Введением»¹, содержащим пояснения относительно содержания и задач словаря (I), а также краткую характеристику словарных статей (II).

I. Предварительные замечания

I.1. Основными справочниками по русской этимологии остаются опубликованный в середине прошлого века «*Russisches etymologisches Wörterbuch*» М. Фасмера (Vasm.) и — главным образом для русскоязычного читателя — его перевод («Этимологический словарь русского языка» = Фасм. или «русский Фасмер»), выполненный акад. О. Н. Трубачевым.

В «Послесловии» ко второму изданию «русского Фасмера» он не без сожаления писал об угасшей в «зародыше» мысли об «исправленном и дополненном» новом издании, замечая, что заложенную Фасмером основу «можно дополнять и поправлять бесконечно» (Фасм. I: 564—565). Как известно, первое издание Фасм., вышедшее в 1964—1973 гг., содержит многочисленные дополнения (доп.) переводчика, помещенные в квадратных скобках непосредственно в тексте словаря. Еще одна серия доп. появилась во втором издании (1986—1987), на сей раз в виде относительно небольшого списка в конце 3-го и 4-го томов. Сюда примыкает ряд этимологических иллюстраций к программным суждениям О. Н. Трубачева в цитированном «Послесловии» ко второму изданию.

---

¹ Основано на предварительной публикации Аникин 2003 (здесь и далее см. раздел «Используемые сокращения»: принципы цитирования литературы и источников в РЭС те же, что в Ан. 2000 и др., и мало чем отличаются от принятых в ЭССЯ и многих других этимологических словарях).

В доп. к Фасм. затрагиваются: а) состав словника — включение в него слов resp. словарных статей, отсутствующих в Vasm.; представленные в Vasm. б) этимологические толкования и в) датировка наиболее ранних письменных фиксаций слов. Нередко доп. исчерпывается отсылкой к публикации, содержащей тот или иной научный результат.

За немногочисленностью этих типов скрывается содержательное разнообразие, предопределенное самим устройством «русского Фасмера», характеризующегося богатством словника (прежде всего за счет обширного пласта диалектной и устарелой лексики, включая только древнерусскую, а также топонимических данных), значительной временной глубиной анализа (от русского и восточнославянского к праславянскому и индоевропейскому) и его подробностью, широтой привлекаемого языкового спектра (индоевропейский, уральский, тюркский и т. п.), масштабностью библиографического и т. п. аппарата². Доп. к Фасм. значительно увеличивают его информативность, отражая немалую часть «послефасмеровского» вклада в изучение русского лексикона.

1.2. РЭС вырос из попыток автора этих строк осуществить оставшееся нереализованным намерение О. Н. Трубачева относительно новой серии доп. к Фасм. Работа в данном направлении с самого начала стала превращаться в нечто более развернутое и масштабное, нежели подобная серия в том виде, в каком она составлялась О. Н. Трубачевым³.

В этом нет ничего удивительного: масса лексического материала, собранного и опубликованного во второй половине XX и в начале XXI вв., прежде всего в диалектных и исторических словарях (при том, что этимологией не полностью освоены и ранее изданные материалы, даже словарь Даля = Д), требует новых словарных статей, отсутствующих в Фасм. Имеющиеся в нем лексические, этимологические и библиографические сведения могут быть дополнены практически по каждому слову, как и сведения, касающиеся хронологии письменной истории слов.

---

² Ср. дифференциальные признаки этимологических словарей, выделенные Я. Малькелем: *time depth, range, breadth* и др., см. Malk. 1976: *passim*; Трубачев Эт. 1977: 173—174.

³ Работа над РЭС или подобным трудом отнюдь не исключает, разумеется, возможности включения в очередные переиздания Фасм. новых доп. по образцу второго издания.

В отличие от содержащихся в Фасм. доп. О. Н. Трубочева, РЭС способен выступать как самостоятельный справочник по русской этимологии, что обеспечивается главным образом количественными показателями. Словник лексики, рассматриваемой в настоящей книге, заметно превышает фасмеровский на *a*- начальное (≈ 1200 против ≈ 450).

Однако в содержательном отношении РЭС имеет заметный изъян, ограничивающий его статус. Речь идет скорее о материалах для полноценного этимологического словаря.

Словарные статьи РЭС состоят в основном из данных, почерпнутых в диалектных и исторических словарях русского языка, и реферативных сводок из этимологической литературы, прежде всего этимологических словарей (откуда по преимуществу черпается и иноязычная лексика), лишь в незначительной степени основываясь на привлечении и анализе памятников письменности. Между тем, максимального прогресса в сравнении со словарем Фасмера, как не раз указывалось его критиками, главным образом отечественными (в особенности таким пронизательным и жестким, как А. И. Попов), можно добиться лишь при интенсивном и квалифицированном использовании первоисточников — летописей и т. п. древних актов (ср. обсуждение этого вопроса самим М. Фасмером в *ZfslPh* 29/2, 1961: 447). Определенным достижением в этом плане является словарь П. Я. Черных (Черн.), который выгодно отличается от Фасм. разработкой истории слов по памятникам письменности. Тем не менее, Черн. явно проигрывает словарю Фасмера в собственно этимологическом плане и к тому же имеет весьма ограниченный словник (см. I.3).

I.3. Итак, можно констатировать, что РЭС представляет собой собрание доп. к Фасм., перешедшее благодаря их количеству в новое качество. Упомянутый в I.2 изъян может быть в определенной степени оправдан большим объемом предлагаемого труда и, что немаловажно, — временем, которое требуется на его осуществление. Очевидно, что работа с памятниками письменности значительно увеличила бы и то и другое. Кроме того, в настоящее время есть возможность опираться на новые обширные лексикографические своды старо- и древнерусской лексики (см. о них в II.2), которых — как и многих других новейших источников — не было в распоряжении Фасмера.

В отличие от Черн. и ЭСРЯ МГУ, словник которых включает только лексику современного русского литературного языка⁴, РЭС

---

⁴ При этом Черн. содержит, по существу, избранные слова (правда, с привлечением довольно значительно диалектного и древнерусского мате-

при отборе лексики продолжает традиции Фасмера. Они несомненно были близки и О. Н. Трубачеву, который описал их в «Послесловии» ко второму изданию «русского Фасмера»: внимание к темным и редким словам; приоритет слов, тесно связанных с традиционными культурой, историей, бытом и контактами русского народа перед поздними заимствованиями и т. п. названиями современных, в том числе профессионально-технических реалий; привлечение «традиционной ономастики». Эти черты фасмеровского словника как безусловно положительные отмечались уже в первых рецензиях на *Vasm.*, см., в частности, *Bezlaj SR* 4/1-2, 1951: 509; *Unbegaun BSLP* 48/2, 1952: 94; *Machek Slav.* 23/1, 1954: 64; *Sławski JP* 34/2, 1954: 134.

Существенным подспорьем при подготовке РЭС является этимологическая картотека, составленная Группой этимологического словаря русского литературного языка, работа над которым велась в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН со второй половины 80-х до начала 90-х гг. XX в., но затем по разным причинам прекратилась. Результаты деятельности Группы, в которой участвовал и автор РЭС, отражены в сборниках ИИРС 1993, НРЭ 1⁵. Первоначальный замысел отбора для РЭС только общерусской лексики (Аникин 2003: 4—5; ср. Варбот Эт. 1994—1996: 193) в процессе подготовки настоящего выпуска отпал сам собой. На отказ от подобного ограничения повлиял отзыв (неопубликованный) на упомянутый сборник НРЭ 1 акад. В. Н. Топорова, рекомендовавшего новому этимологическому словарю как можно более широкий охват русской лексики.

Создаваемые в настоящее время региональные этимологические словари являются ценным подспорьем при работе над РЭС. Из известных автору трудов этого рода следует указать МСФУСЗ и связанные с ним многочисленные разработки екатеринбургских специалистов; публикуемый частями словарь ладого-тихвинских говоров А. С. Герда; складывающиеся в большое этимологическое описание русских говоров Северо-Запада монографии С. А. Мызникова; пуб-

---

риала), а ЭСРЯ МГУ в большом количестве привлекает поздние заимствования типа интернационализмов (см. П.3), в том числе те, которые вполне можно было бы оставить для словаря иностранных слов. Ср. однако мнение по этому поводу Ю. В. Откупщикова (Отк. 2001а: 364 и др.).

⁵ См. положительную в целом рецензию В. Урбутиса (*Balt.* 37/2, 2002: 369—372). Пожелание рецензента продолжить начатое издание в какой-то мере реализуется в РЭС.

ликуемый по частям словарь русских говоров Алтая Л. И. Шелеповой. К этому ряду примыкают и Ан. 2000; Ан. 2005.

Основной чертой РЭС, как представляется автору, должно стать внимание к диалектной и исторической лексике. Последнее подразумевает устарелую с точки зрения современного русского языка и/или известную только как старо- и древнерусскую. В РЭС включается, в том числе в качестве заглавных слов словарных статей, значительное (насколько это позволяют возможности автора) число диалектных и старо- и древнерусских слов, представляющих тот или иной интерес для этимологии.

Все это само по себе, конечно, не является гарантией последовательного отбора материала и отсутствия пропусков важных слов, но по крайней мере задает выигрышный в научном отношении подход к лексике.

Одним из следствий опоры на фасмеровские принципы отбора лексики стало то, что базовым для РЭС явился не какой-либо словарь современного русского литературного языка (не говоря о диалектной лексике), например, ТСРЯ, но словарь В. И. Даля (Д), что примерно на полтора века «удревняет» исходные позиции этимологии. Справедливо указывалось, что Д — «настоящая книга» русской этимологии, до сих пор являющаяся «самым замечательным собранием русской лексики» — и литературной, и диалектной, и архаической (Варбот РЯНО 2, 2001: 8). В целом, РЭС, как и словарь Фасмера, рассматривает по преимуществу лексику русского языка досоветского времени.

1.4. Автор РЭС безусловно солидаризируется с нижеследующим авторитетным определением целей этимологического исследования: «... определение того, когда, в каком языке, по какой словообразовательной модели, на базе какого языкового материала, в какой форме и с каким значением возникло слово, а также какие исторические изменения его первичной формы и значения обусловили форму и значение, известные исследователю. Реконструкция первичных формы и значения слова — предмет этимологического анализа» (Варбот ЛЭ: 596). Подобные цели стоят и перед РЭС, но, как можно убедиться при знакомстве с предлагаемой книгой, достичь их удастся далеко не всегда.

Разумеется, такое положение обусловлено в первую очередь субъективными причинами (возможностями автора), но есть и объективные. Основная — в не столь высокой, как хотелось бы, степени эти-

мологической изученности словарного состава русского языка, — особенно с учетом новейших успехов описательной лексикографии. В научный оборот введено множество пока еще не рассматривавшихся этимологами русских слов, наряду с которым выявлено множество слов без надежной этимологии, а нередко и вовсе «темных». Разумеется, начиная работу над РЭС, автор не надеялся, что сумеет добиться в отношении этого материала некоего решающего сдвига.

Основная задача РЭС состоит в том, чтобы по возможности отразить достижения последних десятилетий в этимологическом изучении русской лексики, опираясь на ЭССЯ, SP, этимологические словари русского и других славянских языков, — Черн.⁶, ЕСУМ, ЭСБМ, БЕР, ЕРСJ и т. п., и прочую научную литературу. В отношении не рассматривавшейся ранее русской лексики предполагается осуществлять первичную этимологическую обработку (включая констатацию неясности тех или иных слов). Самостоятельный интерес, как представляется, может иметь осуществляемое в статьях РЭС соположение слов, почерпнутых в разных диалектных и исторических словарях и относящихся к хронологически разным пластам русской лексики (XI—XIV, XVI—XVII, XVIII, XIX—XX вв.).

В рамках настоящего «Введения» представляется затруднительным обсуждение существенных для РЭС теоретических и методических представлений современной этимологии, тесно связанных с указанными ее целями. Можно указать, в частности, на «уязвимость корневой этимологии, необходимость реконструкции словообразовательной модели слова, диахронической определенности реконструкций, семантической аргументации», — что стало результатом дискуссий второй половины XX в. по поводу соответствующих этимологических проблем, «неудовлетворенность решением которых не была устранена словарем Фасмера» (формулировки взяты из отзыва Ж. Ж. Варбот на настоящую книгу).

Разумеется, автор РЭС желал бы оптимальной реализации в своем труде названных представлений, в частности, отказа от корневых этимологий и надежной аргументированности этимонов с фонетической, словообразовательной, семантической, лингвогеографической точек зрения. В то же время, ему меньше всего хотелось бы декларировать свою приверженность подобным представлениям, не будучи

---

⁶ Высоко оценивая Черн., И. Г. Добродомов выдвигал идею доработки этого труда с целью его приведения в соответствие с «современным уровнем нашей науки об истории русского слова», см. ИКАЛО 1995: 240.

уверенным в возможности должным образом осуществить их на практике.

Тем не менее, одну из названных Ж. Ж. Варбот проблем все-таки необходимо затронуть. Речь идет о семантике в связи с известным указанием М. Фасмера по поводу завершения работы над *Vasm.*: «... я уделил бы больше внимания калькам и семантической стороне» (Фасм. 1: 14), — которое несомненно было весьма значимым для О. Н. Трубачева (см. его «Послесловие» в Фасм. 1: 572—573).

I.5. Едва ли стоит думать, что немецкий ученый имел в виду некую полную ревизию применявшегося им (и «современной ему литературой», по определению О. Н. Трубачева, см. Фасм. 1: 572) сравнения анализируемых русских слов с семантически тождественной или близкой по значению иноязычной (славянской, индоевропейской и проч.) лексикой как обычной исследовательской процедуры. Вполне возможно однако, что Фасмер допускал корректировку указанного приема в сторону большего учета фактора семантической эволюции. Такая корректировка осуществляется в ЭССЯ и в целом ряде работ О. Н. Трубачева (см. об этом Аникин 1988: 6—22). Она выражается прежде всего в систематическом использовании данных типологии семантического развития, в том числе внимании к аккумулирующим такие данные специальным трудам, из которых следует упомянуть прежде всего известный словарь К. Д. Бака. Важную роль при генетическом отождествлении слов, «основанном на значении» (Трубачев ПМСИ 1976: 173—176) играет также тезис о семантической реконструкции как «углубленном понимании значения» (Трубачев СИЯ 1988: 198) и связанные с ним понятия диффузии значений омонимов в контекстах, обнаруживающих их нейтрализацию, наподобие *топить лед, воск* (Трубачев ПМСИ 1976: 168—170), синкретизма значений и экспрессивности.

Гораздо большая, нежели у Фасмера, роль семантической аргументации во многих статьях ЭССЯ (что соответствует «*semotymological proclivities*» по формулировке в Malk. 1976: 9)⁷ сочетается с доминированием внутренне-реконструктивного подхода (Хелимский ВЯ 4, 1990: 144), что можно расценить уже не как корректировку, а как весьма радикальную ревизию исследовательских принципов М. Фасмера. В связи с работой над РЭС (и, шире, над

⁷ Ср. исследования Б. Егерса на балтийском (прежде всего латышском) материале, особенно монографию Jēgers KZ 80, 1966.

доп. к Фасм.) следует иметь в виду и эту особенность применявшейся О. Н. Трубачевым методики и то обстоятельство, что полученный с ее помощью огромный корпус ярких результатов обнаруживает определенные издержки.

Систематическое использование применяемой в ЭССЯ семантической реконструкции приводит к тому, что в ряде статей словаря обнаруживается недостаточно мотивированное генетическое отождествление формально сходных, но семантически заметно различающихся слов. «Rozbieżność» значений (зачастую делающая затруднительной реконструкцию праславянской семантики) в ряде статей ЭССЯ — особенно в первых 13 выпусках — становится одной из основных причин их критики со стороны SP, где отклоняются многие десятки реконструированных в ЭССЯ праславянских лексем (особенно в SP 8, *passim*, см. Аникин БлИссл 16, 2004: 371—372). За различием значений может скрываться не действие факторов семантической эволюции, а гетерогенность слов, а именно, их заимствованное (субстратное) происхождение или принадлежность к разным этимологическим гнездам исконной лексики. Рассматривая в качестве примера подачу в ЭССЯ русского материала в статье **холу́йъ*, где отклоняется фасмеровская «концепция нескольких омонимов *холу́й* разного происхождения» (ЭССЯ 8: 65), автор РЭС предпочитает как раз принятое в Фасм. выделение гетерогенных омонимов (Аникин 2003: 26—28).

Резюмируя сказанное в отношении к РЭС, следует констатировать, что этот труд стремится сохранить по отношению к Фасм. преемственность не только при отборе лексического материала, но и — с оговорками — в подходе к семантике. Отнюдь не идеализируя в этом отношении (как и других) Фасмера, можно заметить, что его конкретные результаты в ряде случаев представляются более приемлемыми, нежели позднейшие, основанные на оригинальных и смелых семантических и иных решениях. Относясь к последним со всевозможным вниманием, автор РЭС использовал их с оглядкой на «младограмматическую» позицию Фасмера и рациональную в своей консервативности реконструкцию SP, которую можно расценить как усовершенствованный вариант фасмеровской.

Собственный опыт работы над заимствованиями в русском языке и из русского языка (Ан. 2000; Ан. 2003; Ан. 2005), а также результаты исследований заимствованных и субстратных элементов в севернорусской и т. п. лексике (ср. МСФУСЗ и упомянутые в I.3 публикации того же направления) дают автору РЭС основание поддержать кри-

тическое отношение к тому «распространенному направлению этимологического поиска в индоевропеистике (славистике, германистике, балтистике, кельтологии), которое ориентировано на поиск индоевропейских этимонов для максимального числа (в идеале, пожалуй, для всех) слов, представленных в древних и современных языках» (Хелимский РЯНО 2/4, 2002: 84). Недавний пример реализации подхода, ориентированного на безальтернативную по существу идентификацию привлекаемого лексического и топономастического материала как исконно- и праславянского, дает монография Р. М. Козловой (Казл. 2000), о содержании которой можно судить, например, по объяснению этнонима *болгáры* из прасл. **Bьlgar-* < **bylg-* ‘шкура, кожа’ + суфф. *-arь/-ь* (цит. по рецензии: Шульгач СтОЕ 2003: 161), с соответствующими этноисторическими заключениями. Подобные толкования могут быть отражены в РЭС лишь в негативном ключе. Вместе с тем, они получили чрезвычайно высокую оценку в цитированной рецензии, помещенной в сборнике, где в ряде статей применяется та же методика, что и у Р. М. Козловой. Соглашаясь с тем, что какие-то решения, полученные в рамках этой методики, могут оказаться правильными, ее следует тем не менее признать неперспективной, чреватой ошибками и методически очень уязвимой. Абсолютно неприемлемы исконнославянские этимологии, предложенные А. И. Илиади⁸ для таких сибирских и/или севернорусских диалектизмов, как *важáн*, *вар*, *вáрдина*, *гíрвас*, *кержáк* и др. (СтОЕ 2003: 130—157).

1.6. Здесь целесообразно затронуть также весьма важную для современной русской диалектной лексикографии (как описательной, так и этимологической) проблему точности и аутентичности лексических данных. Следует оговориться, что она актуальна прежде всего не для словарей, содержащих публикацию недавних и проверенных полевых записей, а для трудов сводного/синтетического характера (ср. особенно СРНГ; в ряде случаев и Д), где приходится широко использовать данные, почерпнутые из вторых рук, в том числе старые записи (иногда — плохо читающиеся), что создает условия для проникновения в словарь разного рода погрешностей⁹. Их выяв-

⁸ В рецензии (положительной, что совершенно нелогично с учетом применяемого в рецензии подхода) на Ан. 2000.

⁹ Сказанное ни в коей мере нельзя понимать как попытку подвергнуть сомнению важность и ценность такого фундаментального труда как СРНГ.

ление становится одной из задач этимологии и диалектологии. Это важно уже потому, что любое из не распознанных искажений слов в принципе может привести к появлению опирающегося на «фантомный» факт и тем самым заранее обреченного на неудачу истолкования (такие случаи имеются): по выражению В. И. Даля, опечатки и неточности могут «всякого ввести впросак» (Д 3: 546).

В «Послесловии» ко второму изданию Фасм. О. Н. Трубачев поддержал прочтение др.-рус. *вермие* (*дубное*) ‘саранча, черви’ как *вершие* ‘побеги (дуба)’ (Фасм. 1: 569). Оно оказалось спорным (*вермие* выглядит реальным и выводимо из прасл. **vьr̃m-*, см. Непок. 1976: 21—22), но в данном случае существенно само обращение О. Н. Трубачева к очень редкому в Фасм. способу объяснения слов с помощью конъектур, т. е. предположений о наличии в графическом облике слов неточностей и вытекающих отсюда исправлений. Сложности, обусловленные разными прочтениями слов, не редкость при анализе древнерусского материала, но здесь приходится ограничиться темой диалектных записей XIX—XX вв.

Выявление слов, подлежащих исправлениям, было одной из задач сибирского диалектного словаря (Ан. 2000), где конъектуры представлены в довольно большом количестве. Некоторые из них непосредственно касаются Фасм., например, камч. (Д) *кагóра* ‘тягловое животное’ — в действительности *каюра* (Ан. 2000: 231)¹⁰, что констатируется вслед за Д. К. Зелениным, чье мнение упомянуто Фасмером (Фасм. 2: 155). Ирк. (Д) *отсúмивать* ‘отвращать любовь’ сравнивалось с тюрк. *süim* ‘любовь’ (Фасм. 3: 173), но нет никаких сомнений, что речь идет об *отсúшивать*, антониме к *присúшивать* ‘привораживать’ (Ан. 2000: 432).

Анализ лексики с помощью конъектур в русской этимологии не играет такой большой роли, как в (древне)прусской. Тем не менее он не должен сбрасываться со счета и при выяснении происхождения русских диалектных слов. В наиболее последовательной форме он осуществляется А. Ф. Журавлевым. В серии статей, посвященной «фантомной» лексике СРНГ, им были указаны десятки имеющих в этом издании искаженных или сомнительных слов (см. Журавлев

---

¹⁰ При ссылке на словари и т. п. публикации, охватывающие (суммирующие) другие словари или иные источники, последние в РЭС как правило не указываются. Если необходимость в таком указании возникает, оно может, как в данном случае, приводиться в скобках перед цитируемым языковым фактом. Здесь (Д) означает подобную «непрямую» ссылку на словарь Даля (без указания тома и страницы) через Ан. 2000.